Кира Малинина

Выключите свет!

Сцена 1.

Зима. Вечер, и за окном почти совсем стемнело. В небольшой неосвещенной комнате сидит человек за компьютером. Лицо его освещено мерцающим экраном. Он что-то печатает. Играет музыка, возможно Bjork.

Тима. Ммм… и чё висним?

Раздается звук всплывающей на экране ошибки Windows.

Ну, конечно, щас прям!

Тима нажимает Alt Ctrl Del несколько раз. Сначала спокойно, но далее все больше нервничает.

Будем общаться или молча виснуть *(продолжая что-то нажимать)*?А мы тебя Reset’ом… А? Получил, сволочь тупая?

Пока комп перезагружается, он уходит делать себе кофе. Со звуком приветствия Windows XP, он заходит. В руке у него полная кружка кофе, в другой - бутерброд. Дверь в комнату он открывает ногой, при этом очень старается не разлить и не уронить ничего. Аккуратно заходит.

Вот, другое дело.

Садиться, ставит кофе рядом, начинает что-то печатать, но вдруг все резко гаснет. Он оказывается в полной темноте.

Тима *(тихо, глотая последний кусок бутерброда). …*твою мать…

Подходит к окну.

Ну ни хрена себе, весь город вырубили что ли?

Набирает номер.

Тима. Слышь, Санёк, привет! У вас чё там в первом та же байда, что и у нас в двенадцатом?… Ты прикинь… Ну, да, да, только что… А… Дааа, хорошо, что телефон есть, а то бы можно было совсем с ума съехать от скуки… Чё? Дурак что ли? Сам читай при таком свете! Я вообще сейчас в темноте полной, как крот.

Звонок в дверь.

Ой, sorry, Сань, тут в дверь кто-то ломиться. Щас я…

Подходит к двери.

Тима. Кто там?
Соседка. Это я, Тимочка, соседка твоя, тетя Тоня.

Тима шарит в полной темноте по ближайшим полкам, пытаясь нащупать ключ.

Тима. Щас, щас, тетя Тоня, щас… темно, ключ не могу найти… щас.
Соседка. Ничего, ничего. Я подожду, мне не к спеху.
Тима. Вот, нашел, уже открываю. Вот…вот… теть Тонь, вы здесь еще?
Соседка. Тута я.

Тима достает зажигалку. Освещает.

Тима. Здрасте, теть Тонь.
Соседка. Тимочка, а у тебя тоже света нету?
Тима. Так во всем городе нету.
Соседка. Горе-то какое… Сериал свой пропущу. А у меня и свечей нету… Тимочка, есть у тебя лишняя свечечка, хоть крохотная?
Тима. Не а, нету, теть Тонь. Сам сижу, как в норе.
Соседка. Ой, плохо как, а я постирать думала.
Тима. Какой стирать, вы чё? При таком-то свете?
Соседка. Да уж думаю, что не буду.
Тима. И правильно.
Соседка. Ну, пойду тогда…
Тима. Я вам посвечу.
Соседка. Спасибо, Тимочка… все, дошла, закрывайся.
Тима. Угу.

Тима подходит к телефону.

Тима. Санёк, а ты… алло… Санёк, ты здесь? Э-эй? Завис что ли? Са-нё-ёк!

Кладет трубку, набирает заново. Опять кладет, опять поднимает…

Ну это вообще! Еще и телефон отключили.

Тима достает сотик, пишет SMS. В темноте светиться экран, освещая его лицо.

Тима.

Privet ot detej podzemelja!Kak tam vashe solnishko po#ivaet?Nashe sdohlo, mi v #ope-temnoj i glubokoj!☹

Аня.

Mi to#e.Sidim tut golodnie,#rem buteri i pjem holodnij 4aj.Vse nishtyak,eto lednikovij period na4alsya.:(((((((

Тима.

A I dumal Apokalipsis. Reshil poproshatsya. :((((((((((((

Аня.

Nu i shuto4ki u tebya. Daju ustanovku: Apokalipsisa ne budet, ne budet,ne budet…

Тима.

Ustanovka prinyata.Poshel pit’ kofe poka on ne ostil.Good night:))))

Аня.

Spi moja radost’,usni…i Kashpirovskij pridet.Bye;))))))

Тима. Балин, теперь и телефон не подзарядишь… Лучше выключу, мало ли… сколько мы так сидеть будем.

Выключает телефон, становиться опять темно. Тима достает другую зажигалку из заднего кармана джинс, находит какой-то огрызок свечки и зажигает. Сидит, подперев голову рукой, и не отрываясь смотрит на пламя.

Тима *(очень тихо, задушевно).*
Выйду ночью в поле с конем.
Ночкой тёмной тихо пойдем.
Мы пойдем с конем по полю вдвоем.
Мы пойдем с конем по полю вдвоем.

Глубоко и многозначительно вздыхает и вновь затягивает песню с новой силой, но так же обреченно.

Ночью в поле звезд благодать.
Ты неси по полю меня…

А, блин, не то чё-то… как там было…это, ну…про коня опять же……А, во!

Сяду я верхом на коня
Ты неси по полю меня.
По бескрайнему полю моему.
По бескрайнему по полю моему.

Только он собирает повторить последние строчки, как внезапно звонит телефон. Тима словно очнувшись подбегает к телефону.

Тима. Работает! Да. Кто здесь? Да-а… Я слушаю. Что вам надо? Алло-о…

Кладет трубку, поднимает, слушает, кладет, поднимает, слушает.

Хм… странно. Не работает.

Кладет трубку, поднимает,слушает, кладет, поднимает, слушает.

Не работает… фигня какая-то. Мож, с проводом чё…

Подносит свечу, смотрит.

Да нет, вроде всё ОК…

Обжигается воском.

Ай! Больно…

Капает воском себе на пальцы, немного морщится, терпит…

А если всего человека воском горячим облить, он вытерпит? Хотя для начала можно просто слепить… получиться человечек из воска – восковечек.
Сначала мягкий податливый: что хочешь, то лепи… как младенец. А потом все тверже и тверже… грубее.

Лепит. Как будто говорит с ним.

Грубее и тверже, а потом его легче сломать, чем согнуть. Он перестает слушаться рук создателя. Глупый восковечек, зачем ты затвердел? Неужели не понятно, к чему это ведет?

Ломает его на мелкие кусочки. Выбрасывает.

Куда интереснее огонь… Один мой приятель – ну полный придурок, царство ему небесное, умер из-за спички… просто спички, такой крошечной спички в сильных пальцах. Он, короче, в гараже еще с мотиком своим там возился, чинил-чинил-чинил и вроде бы починил, но тот чё-то это… не заводился, короче. Ну, свет в гараже, ясное дело, не очень: деревня и все такое. И он решил просмотреть, достаточно ли там бензина, ну, чтобы завестись и поехать. Ну и поднес горящую спичку к открытому бензобаку…

Пауза.

А вообще, я люблю смотреть на маленькое пламя зажигалки. Тупо, конечно, но иногда мне кажется, что я курю ради этого.

Закуривает.

Есть в этом что-то первобытное, живое, настоящее. Нет, электричество – это не то. Оно освещает город, а огонь… он разгоняет мрак…
Вокруг фонаря обычно только тупые бабочки собираются, которые машинально бьются о его стеклянное тело. А вокруг огня собираются духи… Вот было такое, когда сидишь один у костра, темно вокруг, а сзади как будто кто-то дышит в спину смертельным холодом?

Пауза. Вспоминает.

Странно так получилось, короче, однажды… Мы были с ночевой на том берегу Волги. Сидели у костра… гитара, песни, выпивка, чё как…– это понятно. Долго сидели, до темноты. Народ мерзнуть стал, многим спать захотелось, ясное дело - пьяные были. И остались самые трезвые и как это… морозоустойчивые, вот. Сидели – я, Санёк, Серега-Чикаго, Колян и Пашка. Сначала все как всегда: мужские шуточки там, подколы, а потом как-то все замолчали разом. Сидим такие, смотрим на огонь не отрываясь… Я чувствовал чей-то пристальный взгляд, как будто сзади кто-то смотрит… Но не мог обернуться, останавливало что-то: страх или тишина… не знаю. И все словно тоже самое чувствовали. Только Пашку с чего-то трясти начало, колбасить не по-детски. Он сжался весь. А потом резко вскакивает и оборачивается, мы аж испугались.
Мы ему: «Пашок, ты чё? Сядь, все нормуль. Тут теплее… На пивася хлебни…»
Но он стоял и смотрел пристально куда-то в лес минуты три, не шевелясь, точно не слышал нас. Затем, ничего не сказав, ушел в палатку. Мы даже немного обиделись, типа… ушел и даже спокойной ночи не сказал. Ну, на следующий день мы домой собирались, и никто уже не вспомнил о вчерашнем. А через три дня Пашка утонул. Пошел на Волгу и утонул. Реально утонул. Пацаны говорили, что, наверное, напился и поэтому. Но мне казалось, что слишком уж это просто… не так все!Это они его забрали… Нельзя было оборачиваться…

Пауза.

С тех пор я не бываю на том берегу… да и в лес редко хожу. Может, это паранойя, я не знаю…

Опять звонит телефон.

Да что такое, опять что ли?

Подходит к телефону. Поднимает трубку. Молчит. Садится, продолжая держать трубку у уха молча. Затем опускает руку с трубкой и некоторое время так сидит. Кладет трубку, поднимает, слушает, кладет, поднимает, слушает... Там тишина, нет даже гудков.

Тима *(орет).* Да кто это? Что вам надо от меня? Кто? Кто? Кто это, мать вашу?

Тима берет телефон и с силой кидает его в противоположную сторону. Телефон вдребезги. Тишина. Он некоторое время сидит молча. Затем берет мобильник, включает, нервно набирает номер.

Тима. Алло… Аня, ппривет… это я, да я… чё делаешь?
Аня. Ой, Тим, знаешь, я сплю уже.
Тима. Так рано?
Аня. Ну да, света же нет.
Тима. Ааа, понятно… да.
Аня. А ты чё? Чего-то спросить хотел?
Тима. Не а, просто… ппросто я… нну, просто позвонил. У тебя же входящие бесплатно?
Аня. Угу.
Тима. Тогда поговори со мной, Аня…тебе же все равно бесплатно…
Аня. Тима, что с тобой? Обычно ты мне звонишь, когда что-то узнать надо или когда уже позвонить некому… а тут вдруг…
Тима. Нет, нет, не так. Я просто лишний раз тебя побеспокоить боюсь. Вдруг ты занята… понимаешь?
Аня. Глупости! Ты же знаешь, что я всегда рада тебя слышать. Если бы сейчас кто-нибудь другой позвонил, то я бы даже не взяла трубу.
Тима. Да?

Аня. Да.
Тима. А я боялся, что…
Аня *(перебивая).* Зря. Неужели ты ничего не замечаешь…

Слышно, как что-то шуршит, хрипит… что-то со связью.

Тима. Аня, я тебя плохо слышу. Чё там за фигня? Алло, Аня! Ан-ня!
Аня. Тима, алло, алло. По-моему, у меня подзарядка садится…
Тима. Черт. Нет. Договори, Аня, договори, что я не замечаю…что?…алло…
Аня. А? Что? Не слышу…Ти…

Связь обрывается.

Тима. Аня, ты здесь? Аня?Аня… *(шепотом)*Аня…поговори со мной…

Рука с телефоном беспомощно опускается. Раздается железный звук, как будто косой дождь стучит по подоконнику. Но очень непоследовательно, порывисто.

Снег?… Дождь?

Подбегает к окну. Пристально всматривается в темноту. Открывает окно.

Пошли вон, кыш! Да кыш, я сказал!

С подоконника взлетают несколько птиц. Тима закрывает окно и возвращается на прежнее место.

Тима *(немного зло, смотря на сотовый телефон).* Я ненавижу их, Аня.

Пауза.

*(Спокойнее).*То есть я их не совсем ненавижу, а только когда они садятся на подоконник. Ты не пугайся, я не псих, я все тебе объясню. Это не просто так. Помню, было мне лет пятнадцать, была зима… холодная еще такая. Как сейчас помню, не учись даже несколько дней из-за морозов. Сидел я как-то в зале один. Мама с папой на работе, бабушка в своей комнате спит. А я сижу, телик зырю. И вдруг вижу, что-то за окном белое шевелиться. Я сперва подумал, что соседи опять какую-нибудь хрень выкинули: пакет целлофановый или еще что, а он за антенну зацепился и колышется на ветру. Подошел, а там голубь сидит, на меня смотрит. Представляешь? Не обычный голубь, не из тех, что на остановках крошки подбирают. Он такой был белый, чистый, ухоженный. Наверное, домашний потерялся или просто улетел. Я взял да и насыпал ему какой-то каши что ли, не помню уже. Голубь поклевал и улетел. А на следующий день опять, почти в тоже самое время прилетел. А я ему уже все насыпал заранее. Жри - не хочу. Да тут сизый задрипанный голубь стал прям перед ним его просо есть. Я его не тронул: мне было очень интересно узнать, кто кого: бродяга или холеный голубь. Прикольно было за ними наблюдать. Мой голубь победил, правда, пострадав немного. Теперь я его уже ждал, сам отгонял воробьев там всяких. Вечером я рассказал о драке птиц родителям, рассказал про голубя, обещал даже показать. А папа спросил:

- Не стучался в стекло?
- Как?
- Ну, клювом не стучался?
- Нет, а что? А что если постучит?
- Да говорят, это к смерти.
- Да?

Я надолго задумался. Даже плохо спать стал. Знаешь, мне тогда часто снилась огромная птица, клювом разбивающая наше стекло. Видел во сне, как осколки входят в мое тело, как одежда постепенно становиться красной, как я падаю… Все боялся, что он прилетит, когда никого не будет дома, постучит к окно, и никто не услышит. А потом вдруг кто-нибудь умрет неожиданно. Я очень боялся. Почти не выходил из зала, все ждал, ждал, когда он прилетит. Еду всю я его выкинул, смахнул вниз все до последнего зернышка. А когда он прилетел, я скорее вскочил, открыл окно и столкнул и его с подоконника. Он улетел. Я успокоился: есть ему здесь нечего, значит, не прилетит больше. Да и вряд ли ему понравилось такое обращение… Нет, не прилетит, точно.

Прошло пару дней, его не было, я совершенно успокоился. Но на третий день он прилетел. Сел на подоконник… и постучал в окно… а потом спокойно улетел.

(Нервно, но постепенно успокаиваясь) Зачем он это сделал, Аня? Как будто он для этого и вернулся, чтобы постучать, чтобы отомстить, чтобы что-то передать… я не знаю. Но только в ночь на рождество бабушке стало плохо, вызывали скорую – инсульт. За ним через несколько дней второй… Она перестала вставать и почти не говорила. Мне все еще казалось, что это пройдет. Но ей не становилось лучше… А потом она просто стала чернеть, покрываться темными пятнами. Сначала эти пятна появились на ногах, но потом стали подниматься выше. Врач сказал, что когда пятна доберутся до сердца, она умрет и что уже бесполезно что-то предпринимать, надо смириться и отпустить ее. Тогда мне показалось, что он так говорит, чтобы хоть как-то оправдать свое бездействие. Я не мог поверить, что все вот так вот получиться. Я часто говорил с ней, вернее я говорил, а она слушала. Хотя может, и не слушала вовсе, может мне просто казалось, что она слушает и понимает. А она лежала, смотря в одну точку… куда-то в потолок. С каждым днем рыдания моей матери все больше становились похожи на вой, исступленный и ужасный. Это невозможно было слышать… тем более терпеть. Если бы она умирала еще медленнее, то мы все сошли бы с ума… Пятна дошли до сердца,и оно остановилось…

Я никому не стал говорить, что голубь все таки стучался… Это ничего бы не изменило… Просто теперь я не кормлю птиц и не сыплю им просо на подоконник… Понимаешь? Потом мне еще несколько раз снилось, как все та же огромная птица уносит меня в своем громадном клюве куда-то в ночь, в дождь и ветер…

Пауза .Подносит трубку к уху… затем опускает.

Аня? Странно это все… И свет никак не включат…

Пауза. Кладет телефон рядом с собой. Его взгляд неподвижен.

А может быть действительно это конец? Все сидят спокойно, думают сейчас через часок-другой уже можно будет телик смотреть, чай пить… А его не включат ни сегодня, ни завтра, никогда… Может, именно так должен начаться Апокалипсис? В полной тишине и темноте.

Пауза.

Холодно. Ветер, наверное, в нашу сторону… Может, я один живой человек. И не будет никакого огня, никаких небесных воинов… ничего! Просто люди в квартирах перестанут дышать…все вместе, в одну секунду. Медленно зашипит газ отовсюду и все…… Троллейбусы стоят. Город остановился. Все замерло, как перед последней невидимой бурей. И эти окна… они горят еле видным светом… слабым, как болезненные вздохи. Нет электричества… Его нет. И что? И все! Все! Нет ничего, ничего не будет. Все умерло… Это и есть та самая кара за грехи человеческие?Мне холодно! Я жрать хочу! Я хочу кофе в конце – концов! Мне нужно допечатать отчет! Мне нужно на работу! Мне нужно, чтобы Аня могла подзарядить свой телефон!Я не хочу ходить в сортир со свечкой! Я не хочу чувствовать себя убожеством!Мне нужен свет! Чтобы он был яркий, вечный… Включите свет! Я не могу без света! Мне нужен свет!… Я боюсь такой безысходной темноты… В темноте цивилизация начнет разлагаться… Постепенно без

электричества мы вымрем, как мамонты… Настанет ледниковый период, но только для людей… Господи, что это?… Может, я уже один остался.

Вскакивает, бежит к двери, порывисто открывает ее, выбегает на лестничную клетку, стучит в соседнюю дверь.

Тима. Тётя Тоня! Тетя Тоня, вы там? Откройте мне, откройте мне, теть Тонь!!! Это я!

За дверью тишина, никаких признаков жизни..

Тетя Тоня, где вы? Неужели не слышите? Откройте, не бойтесь, это я! Ну, я же это! Тима, сосед ваш! Отройте мне, пожалуйста!!! Вы живы?

Тишина. Тима медленно опускается на корточки и сидит так несколько минут, смотря в пол, нервно сжав голову в руках.

(нервным шепотом). «И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь;
И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои;
И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих…»

Пауза.

Откуда во мне эти слова? Они не мои. Это не я.

Пауза.

Нет, нет, не может быть! Это тоже люди писали. Люди! Из плоти и крови, как я! Что они могли знать? Что они знали, чего не знаю я? Для чего они это говорили, проповедовали?Нет, не так все! Это все чья-то фантазия… Просто света нет…Нет света… кто-то так шутит… кто-то просто решил сэкономить немного…Да, точно. Просто денег нет, чтобы сразу делать ремонт… или людей нет… или еще что… нет, это всего лишь ошибка какая-то… Скоро, совсем скоро все включат… это только ошибка… оплошность…

Продолжительная пауза.

Скоро наш дом тоже уйдет под землю, я уже слышу, как темнота начинает проглатывать их один за другим… Там, глубоко, будет светло от сгоревших ковров, шуб и тел. Нас переплавят, как простые отходы… превратят в земляное удобрение… и планета снова станет чистой… кровь миллиардов напитает почву и реки своим липким запахом…

Медленно проводит трясущимися руками по лицу, так, что остаются следы от ногтей…

Не-е-ет… нет, нет, нет… Не может быть, не так… Мне надо позвонить!

Тима резко вскакивает и направляется к своей двери, которая открыта настежь. Вбегая к себе, забывая закрыть дверь на замок. Заходит в комнату, находит сотовый телефон, начинает нервно набирать номер.

Я позвоню Ане… она меня успокоит… обязательно! Она - удивительный человек…она рада меня слышать… она успокоит… она скажет, что все не так… что все хорошо…Алло, Аня?
Голос. Абонент не отвечает или временно недоступен. Попробуйте позвонить позднее.

Тима. Черт! Ну включи, ты этот хренов телефон, Аня! Пожалуйста! Не оставляй меня, Аня… Аня…Поговори со мной… поговори…Аня… (*кричит)* Аня!!!

Гаснет свечка, становиться темно. Тима пытается ее вновь зажечь, но она совсем расплавилась… зажигать уже нечего. Раздается громкий сигнал разряженного аккумулятора в телефоне. Тима его отключает. Тишина. Время от времени появляется пламя зажигалки, которое на мгновение освещает его лицо, которое сразу же теряется в полной темноте. Это продолжается несколько минут. Затем он поджигает занавеску. Стоит напротив, спокойно наблюдая, как она горит.

Я чувствую я завтра плакал огонь приходит в этот город… огонь разгонит мрак огонь успокоит… Длинный человек с длинными руками ловит огонь не может поймать сгорает огонь сильнее…восковечек черствеет без огня… небо рождает огонь… огонь порождает небо…я сам уйду… я сам стану огнем… огонь станет мной… я уйду раньше… сам… уйду… огонь, я уйду сам… я чувствую… я завтра плакал…

Резко срывает занавеску и затаптывает, чтобы потушить.

Видишь, огонь, я пока что сильнее тебя. Ты еще никто. Я могу тебя убить, а не ты меня. Я живу еще электричеством, оно мой бог. Бог, который умещается в кармане фонариком… Компактный и удобный. Он милостивый, не то что ты… Ты беспощаден… Ты язычник, ты чертов язычник… Мой бог помогает мне, он всегда рядом, когда мне этого хочется, когда он мне нужен. Бог должен быть ручной… ты не можешь быть нашим богом, огонь! Здесь должен кто-то один остаться. Ты или он… На земле тебя мало, его много. Но ты свободен… Значит, рано или поздно ты победишь. Мой бог повергнут, но есть еще я… забирай все… мне ничего не нужно без моего бога… и меня можешь забирать…

Уходит куда-то и приходит с ведром. Складывает в него все, что попадается ему под руку на столе и поджигает.

Зачем я… зачем мне… это не нужно... мне ничего не нужно… я сам… сам уйду… я стану огнем… все станет огнем… огонь повсюду… станет светло… будет светло… огонь освободит… огонь всеяден он рад всему он ничем не брезгует он мудр он велик он един он чист…он свободен…я свободен… все ему…

Садится на корточки, шепчет, как заклинание, продолжая чиркать зажигалкой, внимательно следя за появляющимся и исчезающим пламенем.

Огонь спасителен… да исправит кривое уничтожит недостойное возвысит великое очистит поруганное… осветит землю и людей… да успокоит огонь…огонь…огонь… да разгонит мрак…да успокоит…огонь…огонь…да исправит кривое уничтожит недостойное возвысит великое успокоит сумасшедшее согреет холодное породит бессмертное откроет вечное… да разгонит мрак… да разгонит мрак…да успокоит нас неразумных детей фальшивого бога умершего сегодня ночью без предупреждений и некрологов… не оставляй нас огонь… возьми с собой… держи в себе… соедини… успокой… дай свет… разгони мрак…
Тима падает без сознания, на столе стоит ведро, в котором догорает что-то. Затемнение.

Сцена 2.

В квартиру Тимы стучат две женщины, слышны их голоса за дверью.
Соседка. Да, бог его знает, что он тут делал…
Соседка 2. А с чего ты взяла, что это у него?
Соседка. Да точно тебе говорю, отсюда воняло гарью. Я-то ближе живу, сразу все чую.

Соседка 2. Может, ты попутала чего. Мож, так свечка воняла?
Соседка. Какая свечка? Свечки так точно не воняют. Это как будто жгли чего-то.
Соседка 2. Чёй-то не открывает, случилось чего может?
Соседка. А ну, пихни дверь. Авось открыта…

Одна из женщин пихает дверь, та с легкостью открывается. Они заходят.

Соседка. Нет, точно чё-то неладное тута.
Соседка 2. Дааа, воняет жженым.
Соседка. Тима, Ти-има, ты где спрятался, озорник?

Включают свет в зале, идут в его комнату, но заходит только Соседка. Включает свет. Тима лежит на полу, свернувшись. Соседка 2 остается в другой комнате.

Соседка. А вот он, тута спит. Как ни в чем не бывало! Чуть весь дом не спалил, а ему хоть бы хны!

Тетя Тоня подходит к ведру.
Соседка 2. Вонище-то какое… чего он жег, черт его знает.
Она садится на корточки, будит его.
Соседка. Тима, Тимочка, вставай, свет уж дали.
Соседка 2. Да брось ты его, жив да и ладно, пусть дрыхнет…
Соседка. Ти-има… Что с тобой, болен?
Соседка 2. Пойдем, я тебе говорю.
Тетя Тоня продолжает его будить, но бесполезно.
Соседка 2. Да может, он не выспался, устал, а ты тут его допекаешь, пошли…
Соседка кряхтя встает и направляется к выходу.
Соседка. Ну, ладно, пойдем. Пусть поспит. Вот только прикрою его, чтобы не простудился.
Тетя Тоня накрывает его полу сожженной занавеской и тоже выходит вслед за первой.
Тима. Стойте!
Соседка. А?
Тима. Выключите свет…
Соседка выходит, выключая свет. Слышно, как они захлопывают входную дверь за собой. Тима так и остается лежать на полу. Вновь воцаряется тишина и полная темнота.

Конец.

Октябрь – ноябрь 2003 года.

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Постановка и любое иное использование пьесы невозможно без согласия автора.